

Новонайденные воспоминания об О. Э. Мандельштаме

Автор воспоминаний – Мариам Ароновна Торбин (1904–1987¹), кандидат педагогических наук. Вплоть до настоящего времени они оставались неизвестными даже мандельштамоведом. Были выявлены литературоведом Татьяной Феликсовной Нешумовой в большом архиве Торбин, находящемся в Доме-музее М. И. Цветаевой. Эта исследовательница любезно ознакомила нас с копией, за что приносим ей живейшую благодарность.

Мариам Торбин родилась в Феодосии². В этом городе прошли ее детские и юношеские годы. До 1920 г. училась в профессиональном училище (профиль его не установлен), и после вступления в город войск Красной армии, как она пишет в воспоминаниях, поступила на работу сестрой-воспитательницей в детскую больницу. В 1922 г. переехала в Москву и жила в общежитии писателей в Доме Герцена, опекаемая семьей своей феодосийской сотрудницы С. Р. Благой и ее мужа Д. Д. Благого. Училась в пединституте. В 1924 г. уехала в Архангельск. Вероятно, там она познакомилась с будущим мужем Николаем Кузьмичом Козловым (1893–1973), до Октября – большевиком-подпольщиком, ссыльнопоселенцем, участником Гражданской войны; в Архангельске он возглавлял исполком губернского Совета. В 1927 г. у четы родился сын Владимир.

Можно предполагать, что муж обладал хорошими деловыми качествами, отличался добросовестностью и трудолюбием, так как далее его карьера развивалась успешно, хотя и постепенно. Он работал на солидных советских и партийных должностях, инструктором ЦК ВКП(б), с середины 1930-х годов – зав. секретариатом Президиума ЦИК СССР, а еще позже – начальником Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Приблизительно в то же время семья переехала в Москву и поселилась в Доме Правительства (Доме на набережной), в 9-м подъезде, в кв. 185. В это время Торбин работала врачом в Московском педагогическом институте им. А. С. Бубнова. Отдыхала семья в правительственных «Снегирях».³

Личная биография и научный рост М. А. Торбин разворачивались синхронно успешной карьере мужа. Она изучала педагогические труды П. Ф. Лесгафта, окончила аспирантуру в названном выше институте (1936–1938) и в 1939 г. защитила кандидатскую диссертацию «Лесгафт и его педагогические взгляды»⁴, а в 1944 г. поступила в докторантуру, заявив тему: «Очерки по истории школьной гигиены в России»⁵. Рекомендации ей написали два академика: Л. А. Орбели и Е. Н. Медынский. В этом году она уже числилась кандидатом в члены ВКП(б).

М. А. Торбин преподавала в Московском Заочном педагогическом институте (в дальнейшем Мос. Гос. пед. ин-т заочного обучения). После выхода на пенсию (около 1958 года) ее интересы концентрируются на литературе (преимущественно на мемуарах по истории Гражданской войны и становления советской власти) и искусстве. Она завязывала знакомства и вела переписку с писателями и деятелями культуры; собирала книги с дарственными надписями своих современников; активно знакомилась с воспоминаниями о прошедших годах, преимущественно касавшихся Юга России и особенно Феодосии, где она проводила по несколько месяцев в году, посещая также и Коктебель. Известна ее проба пера в качестве историка-очеркиста: в фонде 1164 Рукописного отдела Рос. Нац. библиотеки хранится ее статья «Гибель Леонида Нидова (Нилова?), коммуниста-подпольщика».

Ее муж Н. К. Козлов умер в 1972 г. (по др. данным – в 1973). Уже после смерти Мариам Ароновны во время пожара в квартире погиб ее сын Владимир. Из семьи Торбин оставалась только внучка Надежда. Появлялись сообщения о том, что при пожаре ее архив сгорел, однако часть его уцелела, одна из частей уцелевшего попала в Дом-музей М. И. Цветаевой⁶, в котором и обнаружили публикуемые нами мемуары.

Время ее работы над воспоминаниями – 1960-е и 1970-е годы. Как уже говорилось, вплоть до настоящего времени они оставались неизвестными даже мандельштамоведом. Фактический субстрат воспоминаний М. А. Торбин о Мандельштаме относится к двум периодам времени: Феодосии 1919–1920 годов (преимущественно, вероятно, к весне–лету 1920 года) и Москве, весне–лету 1922 года, ко времени жизни поэта в общежитии писателей Дома Герцена. Эти части ее воспоминаний содержат данные о городской топонимике, обычаях и нравах жителей Феодосии и, далее, насельниках писательского общежития в Москве. Эти данные, как правило, соответствуют данным других мемуаристов (или – не противоречат этим данным) и потому вызывают доверие. Наиболее ценной, не испытавшей влияния литературных источников, представляется часть ее мемуаров, относящаяся к 1922 году.

В то же время следует отметить неудовлетворительное состояние текста этих воспоминаний в источнике. По-видимому, приемы литературной работы в какой-то мере оказались утрачены ею после перенесенных болезней, а также из-за возраста. В том состоянии, в котором они сохранились в архиве, читать их затруднительно из-за стилистических погрешностей, повторов текста и обширных отступлений, основанных на данных других авторов или литературных источников. Эти источники, в основном относящиеся к периоду 1919–1920 гг., почти всегда уверенно распознаются. Так, она несомненно читала книгу Андрея Седых (Я. М. Цвибака) «Далекое, близкое» (1962), отчасти откликнувшись на ее содержание. Не вызывает сомнения, что она знала (вероятно, частично использовала) книгу Э. Л. Миндлина «Необыкновенные собеседники» (1968). Ей было известно содержание воспоминаний А. Б. Гатова о литературной жизни Харькова и встречах с Мандельштамом, которые она использовала, не называя автора, достаточно подробно, причем посещение Мандельштамом Харькова ошибочно отнесла ко времени его поездки из Феодосии в Петроград в 1920 году (на самом деле – в начале 1919 года). Также она была знакома с «Воспоминаниями» Н. Мандельштам (первое, нью-йоркское, издание – 1970-го года). Вне сомнения, ей были известны воспоминания Е. К. Герцык (1973), цитату из которых Торбин привела (без выделения) дословно (в купированной части текста).⁷ Вероятно, ученая степень, статус члена КПСС и помощь мужа позволяли ей работать в спецхранах библиотек, где она могла ознакомиться с перечисленными изданиями. Она также знакомилась с воспоминаниями о Крымском подполье 1919/1920 годов и использовала эти данные. Упомянутые обстоятельства побудили нас прибегнуть к сокращениям, а также к стилистической редактуре. При этом авторская лексика, относящаяся к фактам и их оценкам, сохранена. Части воспоминаний Торбин, имеющие достоверные признаки зависимости от литературных источников, а также от устных сведений, полученных ею в 1960–1970 годы от собеседников, в настоящий препринт не включены. К последним относятся, прежде всего, сведения о якобы дружественных контактах О. Мандельштама с С. Я. Парнок и Е. Я. Парнох (Тараховской) в 1922 г., почерпнутые, как представляется, из бесед с Е. Я. Тараховской в послевоенные годы и не основанные на фактах (или даже, по ранее известным данным, противоречащие им).

Источник публикуемого текста – авторская машинопись с рукописными вставками из собрания Дома-музея М. И. Цветаевой, шифр КП-1530/38. Имеется еще

один экземпляр машинописи с неполным текстом, шифр КП-1530/39, который также использовался нами при подготовке публикации. Название воспоминаний – авторское.

Указанные выше купюры в тексте означаются отточием в угловых скобках (<...>). Пояснения редакторов приводятся в квадратных скобках.

¹ Даты жизни указываем по публикации Ирины Цветковой «Явление доктора Живаго» (https://nvo.ng.ru/margin/2000-09-14/8_event.html; дата обращения 26.10.2020), которая оказалась распорядителем архива Торбин. В официальных документах годом рождения указывался 1903-й, в некоторых справках о ней – 1902-й. Основанием для предпочтения 1904-го года рождения дает указание автора на свой возраст в тексте воспоминаний, о относящихся к 1922 году, – «17 лет» (см. с. 26 наст. публикации).

² Сведения о раннем периоде биографии Торбин приводит в ныне публикуемых воспоминаниях.

³ Ныне санаторий Управления делами Президента РФ. Располагается в селе Рождествено Истринского р-на.

⁴ Справка МГПИ от 17.10.1939 об окончании аспирантуры и защите диссертации. Копия // Архив РАН. Ф. 543 (Н. А. Морозов). Оп. 4. Дело 1894. Л. 30.

⁵ Согласно характеристике М. Торбин для Академии Пед. Наук. Выдана 06.07.1944 секретарем партбюро МГПИИ Гончаровым // Там же. Л. 31. Докторскую диссертацию не защитила (Биографическая справка М. А. Торбин // Дом-музей М. И. Цветаевой. КП 1530/475. В том же источнике указано: «Член ВКП(б) с 1944»; «С 1945 года инвалид второй группы»).

⁶ См.: Цветкова И. Явление доктора Живаго // https://nvo.ng.ru/margin/2000-09-14/8_event.html (дата обращения 07.10.2020).

⁷ «Мандельштам мальчиком читал четкие фарфоровые стихи». Эта несколько перефразированная и сокращенная цитата из подглавки 5 главы «Вячеслав Иванов» воспоминаний Е. Герцык (Воспоминания. Париж, 1973. С. 60) приведена вне контекста на с. 9 машинописи Торбин.

В 1919 году я была девочкой, младшей в семье. Но память моя всё же сохранила его [Осипа Манделъштама] беседы с другими людьми. <...>

Лето 1919 года. Феодосийцам было трудно дышать. Город был перенаселен. Крохотная маленькая Феодосия стала столицей белогвардейского Российского государства. Другой земли у них не было. Здесь был их госбанк, а в гостинице «Астория», против вокзала, недалеко от порта, штаб управления армией, в котором пребывали белые генералы, руководившие боями у Перекопа. Они были «мудрейшими» стратегами белогвардейской армии, и были обязаны предвидеть, как «драпать» из Крыма со своим общипанным двуглавым орлом. Феодосия для этой цели была самым удобным пунктом: море и близость Перекопа. <...>

Мы из окон профучилища 12 ноября 1920 г. наблюдали, как под морсящим дождем в феодосийский порт прибывали белые отряды, сдавшие перекопские позиции Красной Армии. Они шли с песнями: «Эх, яблочко, куда котисься, к Перекопу попадешь – не воротишься». В руках они держали винтовки и бумагу: приказ Врангеля, служивший пропуском на пароход для защитников Перекопа. Но у причалов порта не было кораблей, море было пусто. Море было серым, и на нем не было ни одной лодки, а корабли давно ушли в плавание. На территории порта остались в неподвижном строе лишь 26 серых рифленых амбаров, вместимостью в 50000 пудов зерна. Голодные, побитые перекопцы сбили с них замки, надеясь, что найдут там пищу. Напрасная надежда: провизии там не было, а вдалеке за волнорезом открытого моря на рейде манил их взоры иностранный пароход. Перекопцы подняли вверх свои пропуска и стали призывно звать корабль, на мостике которого стоял капитан и смотрел в бинокль на них. Он увидел поднятые руки с белыми листами и отдал приказ: дать салют в их честь и уйти из гавани. Обманутые белогвардейцы рассредоточились: часть ушла в старокрымские леса и в монастыри и стала бандитами, а другая, побросав оружие, пыталась преобразиться в мирных жителей. Но всё это происходило через год, в ноябре 1920 года,

а в лето 1919 года беженцы с севера заполнили весь феодосийский уезд. В городе не хватало места для них. Писатели жили в Коктебеле, Судаке и Отузах, работали у болгар на сборе винограда за мизерную оплату, и одежда у них была в лохмотьях. Даже [В. В.] Вересаев навещал больных в нижней сорочке: верхняя одежда давно истлела, и кто-то подарил ему нижнюю белую рубашку – без воротничка. Это было его парадным одеянием, когда он появлялся в Феодосии. <...>

Было много путей, соединяющих Коктебель с Феодосией, из них главный – шоссе Феодосия – Симферополь, от которого на 12-й версте от Феодосии была коктебельская развилка. Этот путь был самым удобным, хотя расстояние по нему было больше остальных на 6 верст. Оно было прямым, и ровным, и удобным для пешеходов еще и тем, что проезжавшие здесь болгары на мажарах разрешали пешеходам подсесть к ним, чтобы они своей беседой скрасили дорогу. Но в то время коктебельцы редко пользовались этой дорогой из-за белогвардейских патрулей, вылавливавших дезертиров, и каждый мужчина рисковал стать пушечным мясом для Перекопа.

Другой путь, по отрогам гор Тепе-Оба, казался более удобным. Белогвардейцы здесь не показывались, они избегали уступов гор, цепью защищающих Феодосию от грозных ветров, опасаясь труднодоступных из-за глинистой почвы пещер. Тут предприниматель Бедризов и построил завод цемента, кирпича и черепицы.¹ Небольшие белогвардейские отряды боялись не только дорожной пыли, сырой глины, но и рабочих, которые часто встречали непрошенных солдат-беляков кольями и дубинами. Дорога от завода Бедризова кончалась в центре города, у рынка. Это тоже являлось большим препятствием для пешеходов. Запыленные, они могли вызвать подозрение у белых в том, что они партизаны, и очутиться в контрразведке.

¹ Сведений об этом заводе нам не удалось получить. Братья Бедризовы, Иван и Христофор, владели в Феодосии чугунолитейным и механическим заводом.

Отправляясь пешком в Феодосию из Коктебеля, Мандельштамы² шли лесом, раскинутым по холмам, и далее напрямик, лесистыми холмами, пахнувшими степными травами: ковылем, полынью, чабрецом, мятой... Далее дорога проходила через татарскую часть города, где на склонах предгорий расположились глиняные домики, выбеленные известкой. Оттуда пешеходы спускались к огромному кругу равнины, которую, как круглый пирог, пересекали многочисленные улицы. В центре круга стояла мечеть и водоразборная будка, у которой всегда толпился народ с ведрами. С водоснабжением в городе всегда было плохо.

С вершины Митридата сбегали к морю узенькие тропинки. Они постепенно расширялись и превращались в широкие прямые улицы, вымощенные камнем. Чем дальше уходила улица от горы, тем больше она становилась благоустроенной. Исчезали хибарки с глиняными полами, появлялись одноэтажные каменные дома (а ближе к морю и двухэтажные), тротуары становились асфальтированными, а улицы приобретали электрическое освещение, чуждое ночным окраинам города. Далее от мечети братья уходили направо к Митридату и сворачивали налево в узкий проулок, который выводил их к широкой улице позади древней армянской церкви Св. Сергия, где был похоронен И. К. Айвазовский. Эта улица другим концом упиралась в ворота нашего особнячка на Армянской улице.

На ней он был предпоследним одноэтажным домом, с большим двором, сараями, где хранились бочки для солений – овощей, арбузов и других плодов. Под потолком ласточки свили свои гнезда. Прямоугольное здание нашего жилища заканчивалось сенями, образованными стойками, крытыми сверху. Пространство между ними использовалось летом как столовая, спальня, игровая для детей. Стойки покрывались тентом, не пропускавшим дождевую воду и защищавшим от солнца. К стойкам, подпирающим тент, привязана была мешковина, которая служила дверями.

² О. Э. Мандельштам приехал в Крым в 1919 вместе с младшим братом, и они вместе убыли в 1920 г. в Грузию. Александр Эмильевич Мандельштам (1892–1942) в период Гражданской войны всё время оставался вместе с братом.

Внутри стоял огромный стол и нары. В жаркие летние ночи вся семья укладывалась спать поперек нары. Это место называлось у нас «дача».

Стык нашей безымянной улицы с Армянской приводил пешеходов на Итальянскую улицу к кондитерской Синопли, где путешественники выпивали по чашечке кофе и съедали по булочке. Александр Эмильевич – кассир и хранитель заработанных на виноградниках мизерных сумм, расплачивался за завтрак в том случае, если не было хозяина кондитерской Синопли, который никогда не брал плату за съеденное Мандельштамом. Он был добрым человеком и любителем поэзии.

Александр благодарил хозяина, обещая всегда помнить о его помощи. О. Э., как воспитанный человек, благодарил хозяина лишь за гостеприимство, страдая от своей необходимости в помощи; он гордо склонял голову, показывая благодетелю, что тот лишь выполнил свой долг, накормив голодного поэта. Затем высокомерно прощался и уходил, чем смущал своего кроткого брата.

О гордости нищего поэта много говорили в Коктебеле. Брат феодосийского Синопли, хозяин кафе «Бубнь»³, однажды со своей веранды увидел бегущего под дождем поэта, снял свое пальто и одолжил его О. Э., чтобы тот не вымок под дождем и не простудился. Мандельштам, надев чужое пальто, ушел, после где-то забыл его и не смог вернуть хозяину, а когда тот напомнил ему, ответил: «Вы должны гордиться тем, что ваше пальто носил поэт, а не стыдить меня». К удивлению присутствующих, он с презрением посмотрел на Синопли, повернулся к нему спиной.

В Коктебеле была старушка, торговавшая папиросами и пирожками. Завидя О. Э., манила его рукой, и, понимая страдания от нищеты, не брала у него денег. О. Э. целовал ей руку.

В Феодосии братья посещали баню, которая находилась на Дворянской улице, недалеко от кофейни.

Братьям Мандельштамам приходилось работать на сборе винограда – за мизерную плату на солнцепеке в ближайших поселениях за Коктебе-

³ Речь идет об Александре Георгиевиче Синопли (1879–1943).

лем.⁴ Среди беженцев было много желающих получить работу, и этим пользовались болгары-садовладельцы. Жадные кулаки выдавали голодным рабочим лишь кусок брынзы без хлеба на пропитание. Они жестоко эксплуатировали своих поденщиков, а те были рады хоть такой работе.

Осип Эмильевич был хилого телосложения, среднего роста – по плечо высокому Александру, был всегда занят сочинением стихов и жил вне быта, вне насущных дел, был всегда бесприютен. Он, как ребенок, всегда подчинялся младшему брату, который один брался решать бытовые вопросы. Глаза смотрели грустно, но гордо, темные волосы уже редели, не покрывая лба; у Александра они были черные и пышные, нос орлиный у обоих. Осип Эмильевич был очень эмоционален, легко возбудим, быстро переходил от одного настроения к другому. Он не умел приспособиваться к новым условиям жизни, к людям, их обычаям, ориентироваться в быту; не понимал, что такое порядок, забывал о режиме жизни соседей, не помнил, что у кого брал и куда потом девал. Это вызывало недовольствие окружающих и мешало дружеским отношениям. Брат Александр охранял Осипа от беспечности, старался как-то упорядочить его отношения с людьми. Он был спокойного, уравновешенного характера и с доброй душой. Был молчалив и кроток. Его огромные зелено-серые глаза казались иногда ярко голубыми под черными бровями, они всегда с обожанием смотрели на брата, и он беззаветно того любил и старался защищать от жизненных невзгод. <...>

Внезапно появлялись грозные тучи, изливались потоки воды, всё сносившие в море. Могли унести иногда и карету с людьми, ибо кучер не мог противостоять натиску воды: мала была сила лошадей против бурных вод, стекавших с гор. Богатые люди на Греческой улице строили дома на высоком цоколе, и на первый этаж нужно было подниматься по каменной лестнице. Этим они защищались от наводнений. Во время ливней на улицах немедленно появлялись мужчины с баграми, которые, забрав-

⁴ В частности, братья Мандельштамы ходили на заработки в Отузы (Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 95).

шись на забор, старались вырвать из власти воды плывущие избушки. Налетевший ветер гнал с гор бурные потоки глубиной в 3–4 метра. Они сносили в море всё, что было на их пути. Но как только тучи уходили, ливень прекращался, вода уходила в море, появлялось солнце и моментально высушивало землю, и вновь было сухо, тихо и спокойно. Будто беды и не было.

Взрослые, зная буйный характер дождей Черноморья летом, немедленно загоняли детей на печь и не позволяли убежать на улицу. Но детям было весело и там: они наблюдали сверху, как вода проникает в дом и снимает с гвоздей лоханки, которые, как лодки, плавают по комнатам. Мальчишки немедленно забирались в эти «лодки» и плавали в них, пока вода не исчезала.

Наш отец был хозяйственным мужиком, и он принял все меры, чтобы мы не страдали от бурных уличных потоков. Ворота наглухо закрывались снаряжением, и вода не проникала в дом. С крыш дождевая вода собиралась в бочки, а со двора она стекала в колодезь по желобкам.

Дождь застал Мандельштамов вблизи нашего дома, и они попросили разрешения переждать непогоду у нас. Отец, само собой, разрешил и позвал хозяйку дома. Наша мама взяла молодых людей под свою опеку и, поскольку вид у них был неопрятный, поручила мужу остричь их. Отец наш, мастер на все руки, велел им раздеться до трусов и усадил на табуретки на нашей «даче». Лохмотья нижних рубаш не немедленно пошли в огонь. Черный пиджак Осипа Эмильевича, теплый не по сезону, пошел в чистку.

Отец постриг братьев и послал их под теплый дождь, чтобы смыть остриженные волосы. После женщины приготовили чаны-корыта с горячей водой, и братья стали тереть друг друга мочалками, а затем выбежали под дождевые струи смывать мыло.

Окно нашей столовой выходило на «дачу», и мы, взобравшись на подоконник, смотрели, как Шура мыльной мочалкой трет брата, а тот громко смеется, как дитя, затем он трет спину Шуре, и они оба, смеясь,

выбегают под дождь. После купанья Мандельштамов одели в приготовленное для них белье вместо сожженного. Обрядили их в халаты и пригласили к столу.

Тут неожиданно для нас возник громкий спор между поэтом и нашим отцом. Оказывается, бегая в трусах под дождем, Мандельштам сочинил первую строку будущего прекрасного стихотворения «Феодосия»:

– Хатенки с гор спускаются всё ниже.

Отцу не понравилась эта строка. Он не хотел принять слов Осипа Эмильевича о законах стихосложения, о длинной рифме и других нововведениях в стихах, на которые тот был мастер. Отец требовал от поэта музыкальности и реальности виденного. <...>

У нас была собака Дамка и цыпленок-петушок Дронгушка, у которого была очень длинная шея, и он задирает голову кверху, совсем как Мандельштам... Когда братья появлялись у нас опять, Дамка, увидев Осипа Эмильевича, бросалась к нему на грудь, а Дронгушка шел рядом с Александром Эмильевичем. <...>

Феодосийцы любили искусство, их делили на три группы: театралы, художники и поэты (любители литературы). Театралы осуществили сбор средств, и на них построили двухэтажное здание театра. Вход был на пересечении Греческой и Итальянской улиц против гастрономического магазина. Внизу на первом этаже большое помещение было отдано аптеке Раммеля⁵. Зеркальные стекла окон позволяли видеть огромные стеклянные шары с разноцветной жидкостью, которые вечерами освещались электролампами. С Греческой улицы высокой крутой лестницей, косо и наклонно стоящей, открывался вход в большой зал театра. Здесь выступали выдающиеся артисты: Борис Осипович Сибор, известный скрипач, пела тут и Пепи Липман⁶, выступали приезжие артисты: балерины, певцы, музыканты и другие знаменитости.

⁵ Раммель Иван Юлианович, провизор и зубной врач.

⁶ Пепи Липман гастролировала в те годы на Юге России. Упоминается в обзоре А. Нугера «Забытые и полузабытые имена» (<http://berkovich-zametki.com/2011/Starina->

Местные любители ставили тут своими силами спектакли, которые пользовались большим успехом. Особо любили зрители пьесу Е. Чирикова⁷ «Лесные тайны», где главные роли играли феодосийцы-любители: красавица Гурвич, жена директора Азовско-Донского банка [Мабо М. М.], которая не передала своей красоты дочерям. Младшая – художница Элеонора Самойловна (Лёля) [1900–1989] – в 1920-х годах вышла замуж за Александра Эмильевича Мандельштама.

Главным энтузиастом театра был преподаватель феодосийского реального училища Дмитрий Евграфович Свистельников: он талантливо исполнял в пьесе Чирикова роль фавна, и сам был похож на это изображение. Д. Свистельников был организатором и литературного кружка. В члены его он привлек и преподавателей литературы других средних школ: поэта Дембовецкого, преподавателя женской гимназии Веры Матвеевны Гергелевич,⁸ где ее помощницей была родственница Нич⁹, большой друг [М. А.] Волошина.

Этот кружок собрал всех преподавателей литературы, журналистов феодосийской газеты и писателей, живущих в Феодосии и ее окрестностях. Кружок назывался «Хлам»¹⁰, как исключение в него входили и любители создавать литературные статьи и сочинения вообще. Каждый член «Хлама» обязан был принести с собой сочинение и сдать его дежурному, который указывал, в какую комнату пройти. Сданное в «Хлам» сочинение уходило на рецензию, после которой оно могло быть рекомендовано к пе-

/Nomer3/Nuger1.php), где о ней говорится: «опереточная дива Пепши Липман, неизменно появлявшаяся на сцене в узких брючках и певшая чуть ли не мужским басом».

⁷ Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – русский писатель, драматург и публицист.

⁸ Дембовецкий Василий Эдуардович (1883–1944) – поэт; преподаватель рус. языка в гимназии Гергилевич и в Учительском институте. Гергилевич В. М. (1878–1918) – педагог, директор гимназии.

⁹ Нич Антонина Иосифовна (урожд. Курчинская; 1886–1976), педагог, директор гимназии.

¹⁰ Это ошибка памяти автора. ХЛАМ (Художники. Литераторы. Артисты. Музыканты) – артистическое кафе в Киеве в 1918–1919 гг.

чати. Это общество окончило свое существование при белых и преобразовалось в «ФЛАК»¹¹.

При белых в Феодосии было несколько мест, в которых жители могли развлечься и послушать стихи О. Мандельштама:

- 1) ФЛАК – Феодосийский литературно-артистический клуб.
- 2) Столовая для бедных на Лазаретной улице, в которой устраивались вечера, куда руководство приглашало О. Э. Мандельштама.

3) Офицерское кафе БИ-БА-БО¹², куда феодосийцы опасались ходить, ибо оно вечерами заполнялось русскими и иностранными офицерами, которые не любили общаться со штатскими и всячески издевались над ними. Помещалось на Итальянской улице на первом углу после кино «Иллюзион», на перекрестке с Полицейской улицей. Здесь всегда дежурил полицейский наряд, наблюдая, чтобы офицеров не обидели. Артисты там были хорошие: выступала актриса Московского Камерного театра Наталья Ефрон¹³. Но больше всех привлекала балерина Дуся Ефрон, жена брата Наташи, и жили они все вместе в доме под мечетью, где их и навещал О. Э. Мандельштам, и у Дуси собралось много его автографов, которые она увезла с собой за границу, выйдя замуж за иностранного офицера после развода с мужем. Это была очаровательная женщина. Небольшой свой рост она старалась увеличить огромной высокой пышной прической. Эта маленькая женщина была столь обаятельной, что все, кто ее видел, сразу отдавали ей свое сердце, а жила она в большой бедности.

Широкая Лазаретная улица шла по равнине от базара до шоссе через половину города. На середине ее была еврейская столовая для бедных, содержавшаяся на ежемесячные пожертвования богатых купцов. Небольшой доход столовая получала также от летних концертов, которые

¹¹ Сообщение автора о некоем литературном кружке, предшествовавшем ФЛАКу, и о его деятельности не находит подтверждения в других мемуарных источниках.

¹² Бибабо – простейшая кукла, состоящая из головы и платья в виде перчатки. Голова имеет специальное отверстие под указательный палец, а большой и средний палец служат для жестикуляции руками куклы. Бибабо часто используются в передвижных кукольных театрах.

¹³ Ефрон Наталья Григорьевна (1896–1973), актриса, родственница Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой.

устраиались в ее громадном дворе. Ворота столовой открывали вид на строение в виде буквы П. Против ворот, в глубине двора, стояло одноэтажное белое здание – основное помещение столовой. Там рано начиналась жизнь, когда поставщики привозили продукты из соседних сел. Справа и слева были двухэтажные здания. В левом флигеле от ворот, ближе к столовой, располагался детский сад, в правом – библиотека. Остальные помещения занимали квартиранты, плата за найм увеличивала бюджет столовой. Двор был усажен деревьями и летом служил местом отдыха. Работали здесь добровольно, и среди работавших была замечательная женщина, Р. С. Бахмутская¹⁴, врач по образованию, не получившая еще диплома. Жена писателя Андрея Михайловича Соболя. Она старалась получше накормить братьев Мандельштамов и дать им с собой булку и кусок мяса: роскошь, которую братья не могли себе позволить на бюджет рабочих-поденщиков.

В летние теплые вечера во дворе столовой устраивались концерты. Приглашался и Мандельштам читать стихи за очень скромную плату. Билеты на такие вечера продавались заранее. В день концертов во дворе выставлялись столики буфета, которые обслуживали красивые гимназистки, на один вечер согласившиеся стать официантками. Это обстоятельство привлекало богатых купцов, и они тогда, не жалея денег, подбирали из этих девушек жен себе или своим сыновьям. Стулья к этим столикам выносили жильцы дома, а Мандельштамы помогали их расставлять. Тут бывал и хозяин самого лучшего ресторана в Феодосии, находившегося рядом с «Иллюзионом», – Шевченко. Он бурно выражал свой восторг устроителям вечеров.

Но единственным местом, где интеллигенция города могла ежевечерне проводить свои вечера, был «ФЛАК»¹⁵. Здесь выступали лучшие

¹⁴ Бахмутская Рахиль Сауловна (1892–1979) – жена писателя Андрея Соболя, Развелись в 1919.

¹⁵ Феодосийский литературно-художественный кружок. Легендарный подвальчик располагался в одноэтажном доме (не сохранился) на углу нынешних улиц Земской и Кирова (ул.Новая) (в настоящее время на этом месте – гостиница «Лидия»). Сообщаемые Торбин

силы артистов и писателей. Нужное помещение для клуба «ФЛАК» было найдено в подвале дома маклера Исайя Рудмынского. Дом был угловой. Его фасад выходил на две улицы: на Земскую без дверей, только окнами, и на Новую, со входом. Новая улица была очень короткой. От Земской она слепо упиралась в Лазаревский сквер с весьма скудной растительностью, где вечерами в раковине играл военный оркестр, а днем были слышны паровозные гудки у вокзала, куда одной стороной и выходил сквер. Напротив дома Рудмынского был большой многонаселенный жильцами дом Рилия и рядом здание казенной женской гимназии.

У входа в дом с Новой улицы любила сидеть на стуле жена Рудмынского, она опиралась рукой на железные перила лестницы, которая вела в полуподвал. Он был громаден и состоял из трех сводчатых помещений, «зал», как говорили в Феодосии. Одно выходило окнами на Земскую улицу, другое на Новую, третье помещение было отведено для кухни с местом для официантов, принимавших через окошко заказанную еду. Местные художники Хрустачев Николай Иванович, Людвиг Квятковский и Моня Кац, прозванный Мазесо да Винчи¹⁶, разрисовали стены. Мазесо (от слова «мазать») изобразил персидские миниатюры в первом зале, Квятковский украсил в кубическом стиле свою стену, Хрустачев – в реалистическом. Занавесы Мазесо разрисовал тоже персианками. У входа соорудили надпись: «Всяк сюда входящий, забудь про свои неприятности».

Открытие «ФЛАКа» было очень торжественным. Именно здесь О. Э. Мандельштам впервые прочитал свое стихотворение «Феодосия». «ФЛАК» очень скоро стал привлекательным для феодосийцев. <...>

сведения во многом совпадают с данными Э. Л. Миндлина (Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 9–11; первое изд. – 1968).

¹⁶ Хрустачев Николай Иванович (1884–1960) – преподаватель рисования в Учительском институте. Квятковский Людвиг Лукич (1894–1977), уроженец Феодосии. О художнике Моне Каце биографических данных не получено. По другим сведениям, этим художником был Моисей (псевд. Мозес, Мозессо) Гурвич (данные В. П. Купченко). Под прозвищем *Мазеса да Винчи* он фигурирует в цикле «Феодосийские рассказы» О. Мандельштама.

Большим успехом пользовалась здесь певица Анна Степовая, любовница генерала Шиллинга¹⁷. <...> Анна Степовая была простая русская женщина, но злая судьба бросила ее в лапы белогвардейского генерала, и, уехав с ним за границу, она вынуждена была по субботам выступать в ресторане и этим кормить своего битого генерала. Она не всегда получала гонорар у дирекции «ФЛАКа», жертвуя его на бедных. Песенки этой шансонетки пользовались большим успехом, и Самарин-Волжский¹⁸ часто вставлял в программу выступление Степовой. Особенно любили ее песенку «Зонтик», и, несмотря на ее фривольный шансонетный стиль, она пользовалась огромным успехом. С аукциона были проданы за огромную сумму ноты «Зонтика», и деньги опять пошли «для бедных». Они поступили в кассу подпольщиков. Мандельштам тоже принимал участие в организации вечеров во «ФЛАКе» и пользовался большим уважением у Степовой. Она всё надеялась, что Осип Эмильевич посвятит ей стихи, и подарила ему экземпляр нот «Зонтика», переписанный для нее поклонниками (такие экземпляры шли на продажу богатым торговцам-меценатам, не жалевшим для Анны Степовой денег). Осип Эмильевич вежливо поблагодарил Анну Степовую, подарок принял, но стихов ей не написал, к большому огорчению певицы. <...> Песенка Анны Степовой по памяти:

«Зонтик»

Поздней осенью всё было:
Под дождем я шла домой,
Потому что я забыла
Где-то зонтик дождевой.

Привес:

Эх, не был бы со мной
Случай бы такой,
Был бы он со мной,
Тот зонтик дождевой.

¹⁷ Тот факт, что Анна Степовая гастролировала в Феодосии, подтверждает запись в дневнике Максимилиана Волошина, заставшего ее в 1919 г. проживавшей у его знакомого в этом городе, см. в кн.: Волошин М. Путник по вселенным. М., 1990. С. 396. Упоминается также в мемуарах Э. Миндлина (см. выше).

¹⁸ Самарин-Волжский Арнольд Маркович (Левинский; 1878 – 1949) – театральный деятель, актёр и режиссёр.

Дождь и буря страшно выли,
Наводили страх большой,
А я, несчастная, забыла
Взять свой зонтик дождевой.

Припев

Не идти же мне обратно,
Рядом кто-то вдруг идет
И ужасно деликатно
Меня об руку берет.

Припев

Я, конечно, испугалась,
Но руки не отняла,
Потому что показалось,
Что я зонтик свой нашла.

Припев

Эх, подвел меня проклятый
Этот зонтик дождевой,
И привел мой провожатый
Не ко мне, к себе домой.

Припев

Никогда я не грешила,
Тут же вышел грех большой,
Потому что я забыла
Взять свой зонтик дождевой.

Припев

...14 ноября 1920 года Крым был окончательно освобожден от белых, и для нас началась новая жизнь. В конфискованном доме Хороза по Дворянской улице была открыта детская больница с диспансерным отделением для голодающих детей. Врач Софья Рафаиловна Благая¹⁹ стала лечащим терапевтом ее, а мне, как сестре-воспитательнице, поручили диспансерное отделение. Главным врачом назначен был незнакомый нам доктор Владимир Денисович Невзоров, которого Д. Д. Благой²⁰ окрестил в стихах «Вакх Дионисович Невзоров – цвет киммерийских докторов». Он

¹⁹ Благая Софья Рафаиловна (урожд. Виляк; 1893–1965)

²⁰ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) – литературовед, пушкинист, историк литературы.

был дельным врачом, хорошим организатором, но поклонником Бахуса, и любил распевать по вечерам под аккомпанемент нашей кастелянши Александры Ивановны: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Моей главной помощницей в этом деле была художница Всесвятская²¹. Она делала многое, чтобы выполнить нашу задачу – искоренить болезни у детей, но чтобы они при этом не отстали в культурном и умственном развитии за длительный срок их пребывания в диспансерном отделении. По ее инициативе мы стали издавать журнал, привлекая к этому делу и детей. Они с увлечением писали рассказы, стихи, снабжая их рисунками. К сожалению, мы в этом нашем начинании встретили яростное сопротивление со стороны нашей третьей сотрудницы, Марии Степановны Заболоцкой, впоследствии Волошиной²². Она считала излишним привлекать голодных детей к труду и образованию, т. к. наша задача якобы не педагогическая. Свою работу она организовала так: дети сидели молча на корточках у стен, пока она не призывала строиться, мыть руки и строем идти в столовую, соблюдая за едой строгую дисциплину. После еды дети благодарили ее и опять усаживались у стен. Наше несогласие с таким методом воспитания детей вызвало бурную реакцию со стороны Марии Степановны и на всю жизнь острую ненависть ко мне.

Ранней весной [1922 года] Д. Д. Благой уехал в Москву²³. Остались мы с Софьей Рафаиловной вдвоем. О Мандельштаме никто не вспоминал: трудная жизнь, работа. Да и скучать нам не давали. По вечерам приходил Волошин, читал свои новые стихи и занимал нас своим озорством. Пришлось мне помогать и уполномоченному Внешторга в организации детского дома для голодающих детей Махлаку Михаилу Аркадьевичу, который вместе со своим другом комиссаром продовольствия Протанским не

²¹ Сведений о ней нам не удалось получить.

²² Заболоцкая М. С. (1887–1978), по профессии медсестра. Вторая жена М. А. Волошина (официально – с 1927 г.).

²³ С 1921 и до весны 1922 г. Д. Д. Благой был на должности проректора Феодосийского народного университета (данные В. П. Купченко).

оставлял нас своим вниманием. Скоро Невзорова перевели в Симферополь.

Трудно прошла зима [1921]/1922 года: Благая тосковала по мужу и ждала от него вызова, а у него не было квартиры. Жил он у своей красавицы матери Софьи Николаевны, урожденной Толстой, на Сивцевом Вражке. Она рано развелась с отцом Дмитрием Дмитриевичем, который вторым браком был женат на Софье, и третьей Софье Рафаиловне не было места в его отдельной квартире на Кропоткинском (бывшем Штатном) переулке, ибо подрастала дочь, тоже Софья. Наконец, в марте пришло долгожданное приглашение приехать в Москву, ибо подруга Благой Тамара Исаевна Ельевич²⁴ согласилась ее поселить в своей квартире у Бутырки, где Ельевич жила с двумя сестрами, мужем и сыном, но категорически отказалась принять меня. А дело было давным-давно решенным, что я еду вместе с Благой учиться в Москву.

Отъезд из Феодосии в Москву в 1922 году был сложным. Железнодорожный транспорт был не налажен после гражданской войны и разрухи. Билеты продавались лишь по командировочному удостоверению. Софья Рафаиловна призвала к совету Махлака, который посоветовал ехать в Симферополь к Невзорову, который имел право выдавать такие документы. Добраться до Симферополя тоже было непросто, но Махлак это дело урегулировал и довез нас до Симферополя на дрезине, которая была в его распоряжении.

Совет был дельным: Благая и я получили командировочные удостоверения в Москву в Помгол²⁵, НКПрос, НКЗдрав для оказания помощи голодающим детям Крыма. Но не обошлось и без курьезов. Пока я ходила покупать спички и свечи для освещения вагона, эти взрослые люди додумались до смешной глупости. Мне преподнесли написанный ими документ, который обязывал меня по завершении образования выйти замуж за обезьяноподобного М. А. Махлака. И Благая уговаривала меня при-

²⁴ Ельевич Анна Исаевна – библиограф. См., напр.: Ельевич А.И. И. И. Мечников : Краткий указатель лит-ры / Н.-и. ин-т библиотековедения и рек. библиографии. Москва, 1939.

²⁵ Помгол – Комитет помощи голодающим.

нять это предложение. Я разорвала этот документ, и жених остался с его обрывками, без невесты. Сильная любовь ко мне не помешала Махлаку одновременно влюбиться в Соню Рудмынскую, попасть в лапы к ее отцу-жулику, разрешить недозволенные торговые сделки, попасть под суд и быть исключенным из партии.

Москва встретила нас хорошей погодой, но мы, усталые, направились отдыхать: Благая к Ельевич, я в общежитие для командированных на Садовой.

На следующий день я стала бегать по учреждениям, стараясь выполнить поручения крымских организаций. Всюду я находила помощь и заинтересованность, хотя все и выражали удивление, что такое ответственное дело было поручено столь юной девушке. Я с задачей справилась и получила необходимое количество медикаментов, книг и других вещей, в которых нуждался остро голодающий Крым. Добрые люди помогли упаковать полученное и отправить багажом. Мне купили билет, проводили и усадили в поезд.

Особый интерес к нашему диспансеру проявил Главсоцвос²⁶ и, выслушав меня, одобрил педагогическую деятельность и постановил, чтобы наш опыт использовался и в других детских домах и больницах.

Но ни Дмитрий Дмитриевич, ни Софья Рафаиловна не желали заниматься порученным делом. Они были заняты личными делами, целиком положившись на меня. Вернувшись в Симферополь, я сдала наши командировки, умолчав о том, что Благая в Москве не занималась заданиями. Но наша деятельность, считавшаяся общей, заслужила одобрение, и бухгалтерия выдала нам [под отчет о командировке] огромную сумму денег, в том числе и за Благую. По моем возвращении в Москву Дмитрий Дмитриевич немедленно отобрал эти деньги, беспокоясь, чтобы мы их расточительно не истратили: моя часть денег удерживалась в счет того, что я питаюсь у них пшенной кашей, которой много съедаю. Другой упрек

²⁶ Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей, структурное подразделение Наркомпроса, в чьи функции входило руководство дошкольными учреждениями и общеобразовательными школами.

впоследствии я выслушала от Софьи Рафаиловны: я расходую слишком много масла, когда готовлю обед.

Это было потом, а пока Благие меня встретили сообщением, что у них есть квартира и место ночевки для меня. Они встретили меня на Курском вокзале по возвращении из Симферополя: я ведь везла огромную сумму денег. В связи с чем нужно было обеспечить охрану. Благие даже наняли извозчика. Они были безмерно счастливы – у них появилась квартира.

Извозчик погонял лошадей, и мы поехали на Тверской бульвар, 25 к общежитию писателей, где находились «апартаменты» Д. Д. Благого. От Тверской извозчик направился по правой стороне Тверского бульвара и остановился у дома 25. Чугунная кружевная решетка служила оградой. Сквозь нее был виден двор дома, отданного писателям. Он был усажен деревьями, а около них стояли скамейки. Три корпуса дома не соединялись между собой. Против ворот двухэтажное кремовое здание, и 12 его окон смотрели во двор. Здесь размещалось правление Союза писателей, здесь проводились собрания литературных объединений Москвы. С другой стороны здание фасадом смотрело на Б. Бронную, и ворота на эту улицу никогда не запирались, что делало двор дома проходным, и хождение шумной любопытной и пестрой толпы было непрерывным, а это очень мешало живущим в левом крыле писателям. В правом крыле, отдаленно стоящем, было довольно неуютно и сыро. Жил там крестьянский поэт Петр Орешин²⁷: трезвый – очень милый человек, пьяный – буян.

Буйство Петра Орешина достигало слуха обитателей левого крыла общежития, и Мандельштам, заслышав плач жены Орешина сквозь открытое окно, бросался ей на помощь. Но в комнате Петра Орешина он не бывал, хотя и знал, что к нему заходят Сергей Антонович Клычков, тонкий лирический поэт, Сергей Есенин и др. О. Э. ценил стихи Есенина и Клюева, но не встречался с крестьянскими поэтами, он избегал встреч

²⁷ Орешин Петр Васильевич (1887–1938, расстрелян) – поэт. Член Пролеткульта, в котором основал секцию крестьянских писателей.

с ними. Дружбы не было у Мандельштама и с Орешиним, и если Орешин, отрезвевший, направлялся к Осипу Эмильевичу с извинениями за вчерашний скандал, то Мандельштам быстро закрывал окно, ставил бабу-ширму²⁸, а сам уходил на кухню и ждал, когда Орешин уйдет.

Левый двухэтажный корпус начинался сразу от ворот со стороны Тверского бульвара. Второй этаж не сообщался с первым: вход был с улицы. Правление Союза писателей продало его концессии электрической компании датчан²⁹.

Ворота были закрыты, и наш извозчик остановился у калитки. По асфальтовой дорожке мы прошли мимо большого окна, задернутого кружевной занавесью. Оно находилось слева от дверей – входа в дом, справа было еще окно, из комнаты О. Э. Мандельштама.

Открыв дверь, мы вошли в большой квадратный холл, пол его был выложен плитками. Слева дверь в большую уютную комнату Игнатия Николаевича Потапенко³⁰, где он жил вместе со своей племянницей Марусей Грушко, студийкой МХТ.

Третья дверь из холла открывалась в очень узкий коридор, налево он вел в комнату Алексея Ивановича Свирского³¹, его престарелой жены Татьяны Алексеевны (бывшей работницы табачной фабрики в Ростове-на-Дону) и сына Кости – красавца, который дружил с приехавшим недавно из Одессы Романом Карменом. Роман приехал с матерью урегулировать дела недавно скончавшегося отца, писателя Кармена³².

Напротив входных дверей было несколько прихожих, откуда был ход к сараям, где хранились дрова. Дверь направо вела на кухню. Мы

²⁸ Торбин имеет в виду живописную работу Н. Я. Мандельштам.

²⁹ Имеется в виду Большое Северное Телеграфное Общество (БСТО), датская фирма, первая среди зарубежных компаний получившая концессию от советского правительства. Всероссийский Союз Писателей сдал этой фирме в 1922 г. значительную часть флигеля, о котором пишет М. Торбин (см.: Видгоф Л.М. «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // Он же. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. М., 2018).

³⁰ Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – один из самых популярных писателей 1890-х гг.

³¹ Свирский А. И. (до крещения – Шимон-Довид Вигдорос; 1865–1942), автор популярной повести «Рыжик» (издавалась с 1912), «Истории моей жизни» и др. произведений.

³² Писатель Л. О. Кармен умер весной 1920 г.

прошли направо мимо туалета, комнаты Манделъштама³³ и вошли в огромную кухню метров 40–50. Слева от двери – большая плита и водопроводный кран, слева большое окно. Напротив двери – две другие дверки, одна в комнату старушки, левее другая в комнату Благих, метров в 6, меблированную: железная кровать, у окна стол и стул, взятый на время до 5 ч. вечера у соседки. Остальные ее [соседки] стулья стояли вдоль правой стены кухни против окна. Стулья кормили старушку: когда в раковине на бульваре начинала играть музыка, стулья с нашей помощью перетаскивались на бульвар – желающие послушать музыку сидя уплачивали хозяйке 5 копеек. Это и составляло бюджет старушек, проживающих на Тверском бульваре.

Показали мне мое ночное ложе: на кухне между окном и плитой стоял большой сундук, в котором хранились дрова для плиты, принесенные из сарая, ближайшего к черному ходу.

На кухне мы застали двух женщин, мирно, но громко разговаривающих у горячей плиты, на которой готовился обед. Они ласково ответили на мой поклон и продолжили разговор. Одна из них была Татьяна Алексеевна Свирская. Муж ее очень уважал, хотя она была старше его на четверть века. Он считал ее своей защитницей от горестей жизни и был обязан ей тем, что стал писателем. «Рыжик» был написан Свирским под ее влиянием. Она создала ему все условия для писательской работы. Другую, небольшого роста, называли «генеральша» оттого только, что один военный, очень больной человек, женился на ней перед своей кончиной, чтобы обеспечить ее пенсией в благодарность за уход. Она с горечью отстаивала перед собеседницей свои таланты повара:

– Татьяна Алексеевна, никто так не стушит мясо, как я, никто так не обрядит в кружево пирожок, как я. Ко мне ходили молодые хозяйки учиться готовить. А вы не верите.

³³ Осип и Надежда Манделъштамы поселились в левом флигеле Дома Герцена в конце апреля – начале мая 1922 г. (Летопись жизни и творчества О. Манделъштама. Торонто, 2016. С. 201). Жили здесь до начала августа 1923 г.

– Верю, верю, верю, но дайте и нам готовить, как мы привыкли. Вкусы разные бывают.

Собеседницы вдруг замолчали: в кухню вошел пожилой человек в добротном синем бостоновом костюме. В руке он держал дымящуюся папиросу, пепел от которой осыпал левое плечо пиджака. Он был очень серьезен, суров, сердит, хмур. Ему мешает шум. Призвав женщин к тишине, он ушел, но минут через 15 громкий говор возобновился.

– Мандельштам – на редкость неустроенный человек. Ему счастье поднеси на золотой тарелочке, и он не сумеет, – говорит Татьяна Алексеевна, – воспользоваться им. Он первым въехал в этот флигель и забраковал комнату, где ныне живет Потапенко, так как решил, что она близка к улице, и шум будет ему мешать. Но там был односторонний уличный шум, и он, не задумываясь, выбрал другую, нынешнюю его комнату, между кухней и туалетом, а из окна шум круглые сутки из проходного двора. Он мог выбирать и выбрал худшее и теперь недоволен нами.

Я не узнала Мандельштама: за три года он неузнаваемо изменился. В 31 год выглядел 45-летним, исчезли его беззаботность, веселый смех. Появились мрачность, требовательность. Волосы на голове почти исчезли, остался один клочок, торчащий, как гребешок петуха.

Рядом с его комнатой была кухня, а она соседствовала с водопроводом. Здесь у раковины по утрам и вечерам выстраивались живущие в квартире женщины-«аисты»: они стояли на одной ноге, а другую мыли под текущей водой: языки их не бездействовали, а трещали всюду.

О. Э. приходилось работать под «музыку» двух джаз-оркестров: кухонного и уличного, и он в ярости выбегал в этот клуб-кухню и высказывал свои претензии женщинам. Застав там Благого, всегда улыбающегося, вежливо целующего ручку Татьяне Алексеевне, Мандельштам приходил в ярость. Софья Рафаиловна немедленно выходила из своих «апартаментов» и уводила мужа в комнату. Смолкала и Татьяна Алексеевна. Успокоившись, Мандельштам уходил к себе, и тотчас открывались двери в кухню: выползала «генеральша» доваривать обед, появлялась у плиты

Благая со своими кастрюлями. Тишина длилась недолго. Жизнь не терпит застоя, и снова начинали работать машины языков.³⁴

Мандельштам всегда был бесприютен и беден. Обстановка комнаты была поразительна: не хватало самого необходимого. Убранство состояло из стола и полосатого матраца, наискосок лежащего одним краем на табуретке.

Присутствие Надежды Яковлевны в его комнате не внесло уюта, она не была приспособлена к домоводству, к приготовлению еды. Ее произведение, картина бабы в пестром платье, стояло в качестве ширмы, заслоняющей окно от взглядов прохожих. На стенах были вкривь и вкось приколоты кнопками ее рисунки, выполненные в левой манере, как и положено ученице киевской художницы Экстер. На подоконнике и на полу стояли банки с красками и высохшие кисти.

Мандельштам неожиданно для себя стал кормильцем – брат его всё еще не мог устроиться на работе. Лишь к концу 1922 года он поступил продавцом в книжный магазин на Советской площади, где работал фео-досиец Морозов, а пока что три рта нуждались в пище, и О. Э. занялся переводами для заработка. <...>

Мое возвращение в Москву наладило быт Благих. На следующий день с утра Софья Рафаиловна и я отправились на Погодинку³⁵ для оформления наших учебных дел: Благая поступила на годовичные курсы для педиатров, работающих в детских садах, меня зачислили студенткой педфака с 1 сентября. Мы вернулись домой счастливые: сейчас лето, до осени много времени: можно знакомиться с Москвой, побродить по городу. Больше всех обрадовался Дмитрий Дмитриевич. Жизнь не терпит пустоты: обед приготовить дело не долгое. А остальное время Марочка³⁶ долж-

³⁴ В своем заявлении в Правление Союза писателей от 23 авг. 1923 г. О. Мандельштам жаловался: «С утра до позднего вечера на кухне громкий шум от хозяйственных передраг Свирских и громогласных пререканий с прислугой <...> Из коридора постоянно раздаются в непристойной форме восклицанья Свирских и прислуги по поводу загрязнения уборной» (Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. СПб., 2017. Т. 3. С. 498–499).

³⁵ Погодинка – Погодинская ул. в Москве.

³⁶ Марочка, Мара – сокращенное от Мариам имя Торбин. Здесь и ниже автор пишет о себе в 3-м лице.

на заняться выборкой прилагательных и эпитетов в трудах Ленина. Институт Языкознания дал такую работу по изучению особенностей языка В. И. Ленина ему и Пастернаку. Марочка – ученица Д. Д. Благого по гимназии и умеет четко и аккуратно работать, пусть возьмет карандаш, тетрадь, статью Ленина и выпишет, не пропуская, все метафоры и прилагательные, которые есть в ней; выписывать нужно столбиками и передавать Благому для анализа. Работать она будет во дворе под деревьями – сейчас лето.

Я поняла, что должна зарабатывать на пшеничную кашу, которой кормят меня Благие, много ее не есть; завтра я обязана пойти с Д. Д. в ЦЕКУБУ³⁷ за пайком, в котором будет крупа (пшено), мука, сахар, мясо, рыба – всё это тащить самой, не позволяя таскать тяжести Д. Д.

– У него, Марочка, грыжа, – говорит Софья Рафаиловна, – и тяжести противопоказаны ему.

– Софья Рафаиловна, я хочу свои деньги иметь при себе, и тратить их на свои нужды, и не питаться одним пшеном.

– Вам Димочка не отдаст их. Он их спрятал на черный день, а вам их хранить негде, и они у вас пропадут.

– А где мои колечки и медальончик?

– А мы продали их Свирскому: у нас не было денег.

Наутро мы с Дмитрием Дмитриевичем пошли в ЦЕКУБУ, получили паек, и я по дороге не съела сырого мяса. Паек я притащила, обед сварила, прибрала и ушла в ОНО³⁸ просить работу.

На лето меня отправили работать в детский дом для малышей, которым ведала Наталья Сенцова. Он помещался летом в Лосиноостровском, а зимой в Москве, на Солянке 12, где был ВЦСПС³⁹. Урегулировав свои дела, я вернулась и стала выписывать эпитеты для Благого. Также моей обязанностью было поддерживать деловые отношения Д. Д. Благого

³⁷ ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

³⁸ ОНО – Отдел народного образования.

³⁹ ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов.

с В. Я. Брюсовым в качестве посыльного курьера. Мне 17 лет, я свободна. Меня можно гонять.

В левом крыле Дома Герцена Мандельштамы жили бурно. Жена Мандельштама, Надежда Яковлевна, изображала озорную девчонку, а была вздорной молодкой. Она всюду лезла довольно бесцеремонно, досаждала жильцам своими циничными замечаниями.

Помню ее разговор с Благой, которая предложила ей сообща дать ночлег на одну ночь одному видному писателю, который не смог устроиться в гостинице. Благая обратилась к ней:

– Давайте на одну ночь, по-волошински, устроим «мужикею» и «гинекею», чтобы устроить нашего друга. Вы идите к нам ночевать, а мужчины к вам.

– Ничего не выйдет, я предпочитаю с Осиком спать, и чтобы он грел мое брюхо всю ночь.

Другой раз Надежда Яковлевна услышала мой горестный плач и рассказ о том, что какие-то выпившие мужчины схватили меня у дома Герцена и куда-то хотели тащить. Я с трудом вырвалась от них и вбежала в дом. Без разрешения, без стука, непрошенная, она вскочила в комнату к Благим и спросила:

– А сколько они вам предлагали, Марочка?

Я расплакалась сильнее, а Благая пристыдила ее. На это Надя ответила:

– Интересно же знать, как оценивается Марочкина красота.

Благая попросила Надю удалиться. Спустя много десятилетий я узнала о том, что она часто вот так же шокировала и других, и особо Ахматову, которую спрашивала: «А влюбленный в вас поклонник приглашал вас в свою постель спать с ним? И сколько денег он на вас истратил?»

Бывало, устраивалась она со своей подружкой Сусанной Мар⁴⁰ напротив окон общежития, и дуэтом они распевали скабрезные песенки:

⁴⁰ Поэтесса и переводчица Чалхушьян Сусанна Георгиевна (1900–1965). Под псевдонимом «Сусанна Мар» был издан ее сборник стихов «Абем» (М., 1922). См.: «А Сусанна взя-

– Хорошо тому живется, кто с молочницей живет, молочко он попивает, а молочницу... – дальше шли слова непечатные. Дело было летом к вечеру, и сейчас же захлопывалось венецианское окно Потапенко, а из дверей выскакивал Осип Эмильевич с криком:

– А, Марочка, она тоже тут? Ей не место здесь!

Успокаивался тем, что Марочки нет, и она не слышала это вокальное выступление, хватал Надю за ворот, толкал ее в спину и тащил в комнату. Он не любил непечатных слов. Надя размахивала руками, показывая, чтобы ее подружка убежала от яростного Оси. Поздно, Сусанна давно уже исчезла.

Еще одно развлечение подруг: тайком от Мандельштама убежать на Тверской бульвар к памятнику Пушкину. Это было место, где собирались студенты и пели песни, не обращая внимания на концерт из соседней оркестровой раковины. Подруги становились рядом и начинали запевку, были запевалами-«боярами»⁴¹. Пели во весь голос, и песенка разносилась далеко:

А на Тверском бульваре
Стоят бояре,
Они не скачут,
А просто плачут.

«Скажи нам, Саша,
Ты гордость наша,
Когда уйдут большевики».

И отвечает Саша:
«Не плачь ты, Паша,
Уйдут большевики:
Когда верблюдица и рак
Станцуют краковяк».

ла себе самого нищего мужа, Ивана Александровича Аксенова, умного и желчного человека, знатока кубизма и Шекспира. Она никогда его ничем не обидела, а жили они в комнате с потолком, подпертым балками, чтобы он не обрушился на голову. Яркая и болтливая Сусанна была одной из редкостных женщин, равнодушных к домостроительству и благополучию» (Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С. 123).

⁴¹ Вероятно, имеется в виду народная игра-диалог между группой парней и девушек: «Бояре, а мы к вам пришли, молодые, а мы к вам пришли...» и далее.

Осип Эмильевич, обнаружив побег, бросался к памятнику Пушкину отвлечь их от озорства, которое могло привести к большим неприятностям, и обычно появлялся, когда запев только начинался. Он хватал Надю за плечи, подталкивал в спину и гнал домой.⁴² Сусанна исчезала сама, зная, что под тяжелую руку Мандельштама лучше не попадать.

Сусанна прочно вошла в быт Мандельштамов без права на питание и ночлега тотчас по приезде из Ростова-на-Дону, где она была заправилкой литературной группы «ничевоков». <...> Сусанна издала единственную небольшую книжечку своих стихов. Была хорошим поэтом и прекрасным переводчиком. Выпущенная ею в Ростове-на-Дону книжечка⁴³ не дала ни славы, ни денег, а лишь одно прозвище мадам Флагрук, потому что в ней было стихотворение, посвященное Мариенгофу, которое начиналось: «Выкину белый флаг рук». Озорная веселая Сусанна горестно переживала то, что не сложилась у нее жизнь с [А. Б.] Мариенгофом. Ему нужна была деловая женщина, а Сусанна презирала домоводство, достаток и удобства жизни. Появлялась она в комнате Мандельштамов уже с утра и всегда в сверкающей чистотой белой блузке и аккуратно причесанная.

Хозяйства она не вела. Не было у нее ни чайника, ни стакана, ни сковородки, ни кастрюли. Не было даже тарелки, не оказалось, в чем замочить горчичники, когда Сусанна заболела пневмонией. Приходила к ней тогда врач С. Р. Благая, тоже не отличавшаяся домовитостью, прихватив меня с собой.

Жила она в одном из переулков старого Арбата с другим бессребренником, величайшим знатоком литературы, кубизма, Шекспира – мужем Аксеновым⁴⁴. Это был очень умный, остроумный и образованнейший человек, щедрый душой, но с пустым карманом. В почти пустой комнате

⁴² Н. Мандельштам писала: «В суровом человеке, с которым я очутилась с глазу на глаз на Тверском бульваре, я не узнавала беззаботного участника киевского карнавала. Одну меня он не отпускал никуда, и я так и не увидела московского салона времен становления империи» (Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С. 103–104).

⁴³ Единственная книжка Сусанны Мар была выпущена в Москве. См. примеч. 40.

⁴⁴ Аксенов Иван Александрович (1884–1935) – поэт, прозаик, переводчик, искусствовед. Его брак с Сусанной Мар был зарегистрирован только в 1925 г. Аксенов был одним из близких Мандельштаму людей. По данным справочника «Вся Москва» на 1923 г. Аксенов жил у Пречистенки по адресу: Обухов переулок (ныне – Чистый переулок), д. 5, кв.2.

Сусанны я увидела их ложе – большой стол, кровати не было. Из мебели – два стула. На подоконнике – две зубные щетки, мыло и зубной порошок, масса книг и журналов. Да еще бутылочка с чернилами. Больше ничего, кроме большого бревна, подпирающего готовый упасть потолок комнаты. Оно, как и подоконник, было выкрашено белой блестящей краской. Чистый пол блестел красной краской. Так она жила с мужем.

Сусанна была красива. Высокая ростом, и несмотря на короткие ноги, имела очень стройную фигуру. Крупная голова была всегда аккуратно причесана, и черные подстриженные волосы обрамляли мягкими кудрями ее классической красоты лицо. Черты лица Сусанны не гармонировали с ее озорными речами и умением дать резкую отповедь любому. Она постоянно говорила и не умела молчать, но даже Мандельштам слушал ее охотно, и ее болтовня не мешала ей сходить с людьми. Материально дела Сусанны были не блестящими, и безденежье нас объединило и сблизило. Деньги, которые я привезла, попали в цепкие руки Дмитрия Дмитриевича Благого, и я должна была довольствоваться скудным пропитанием в виде блюдечка пшенной каши без масла, которое подносила лично Софья Рафаиловна. Я от недоедания стала прихварывать и худеть.

Поиски заработка мы с Сусанной вели вместе. Она познакомила меня с Львом Иосифовичем Повицким⁴⁵, добрейшим человеком, который в то время пытался открыть театр в Камергерском переулке, рядом с МХТ'ом. Он тогда набирал штат, и нам с Сусанной была уготована служба официантками в театральном буфете. Мы с ней получили аванс и должны были сдать экзамен в профсоюзе официантов, который должен был выяснить нашу профпригодность. Нам достались вопросы: Сусанне – как готовить кофе по-турецки, а мне – по-варшавски. <...> Экзамен мы не выдержали, но горевать нам не пришлось: театр тоже провалился, ибо актеры, набрав авансы, разбежались, и не было с кем ставить спектакли. Разорение Повицкого было полным. Но он не тужил, а бегал по знакомым

⁴⁵ Повицкий Лев Иосифович (Осипович) (1885–1974) – журналист. Участвовал в революционном движении, член РСДРП. После Октября в партии не восстановился. Друг Сергея Есенина.

и упрашивал их безвозмездно забрать стулья из арендованного им помещения театра: он не мог больше платить за наем его. И мы наблюдали, как по Тверской, начиная от Камергерского, тянулись люди со стульями в руках, на плечах, за спиной. Покончив с театром, Лев Иосифович решил уехать со своим другом Сергеем Есениным в Тулу к отцу и брату, а меня временно поселил в его комнате. Она находилась у Арбатской площади на стыке с Воздвиженкой. <...> Дом, где он жил, имел вход с Б. Кисловского переулка, у него с левой стороны стояло высокое здание с плакатом на крыше «Нигде кроме, как в Моссельпроме»⁴⁶, другой конец переулка упирался в Большую Никитскую улицу многими ответвлениями. Жил Повицкий на верхнем этаже, над квартирой Книппер-Чеховой. В Туле родные Повицкого, отец и брат, управляли большим пивоваренным заводом, очень любили они Льва Иосифовича. Они сохранили кое-что от прежнего богатства и не жалели для него денег.

Четвертым жильцом левого корпуса общежития писателей был известный писатель-прозаик Потапенко Игнатий Николаевич. <...> Игнатий Николаевич водил меня во МХТ на «Синюю птицу» и на другие спектакли вместе с его племянницей Марусей. Это был очень культурный, добрый, деликатный человек, который ко всем относился благодушно, никому не мешал жить. К 1921 году ему было 65 лет. Был высок ростом, красивые черты лица портила желтого цвета кожа с маленькими пятнами, вероятно, от больной печени. Ко мне был заботлив, а с остальными весьма корректен. Маруся дружила со мной и любила поговорить, Игнатий Николаевич нас слушал. Дома они бывали мало, на кухню не ходили совсем. По утрам «генеральша» приносила им воду, и процесс умывания проходил в комнате. Кроме меня, Потапенко ни с кем из жильцов не общался, и даже Надя не совала свой нос и язык к ним. Правда, за глаза она говорила, что Маруся Грушко ему не племянница, а любовница, что ей не 22 года, а 28 лет, и что она актриса погорелого театра. Я всегда жа-

⁴⁶ Рекламный призыв «Нигде кроме, как в Моссельпроме», придуманный Маяковским, был помещен не на крыше, а на стене здания.

лела, что жизнь меня разлучила с Марусей. В 1943 году я встретила с профессором Сендерихиным⁴⁷, который не мог забыть свою любовь к Марусе. Он сохранил ее фото. <...>

Появлялась Анастасия Ивановна Цветаева⁴⁸, недавно вернувшаяся из голодного Крыма. Она не могла найти работу. Анастасия Ивановна была прекрасная мать, она заботилась о сыне и всюду брала его с собой. Он был ухожен, бедно, но чисто одет. Сама Анастасия Ивановна приходила худенькая, ее чистое ситцевое платье было выглажено, поверх него надета шерстяная серая кофта, на голове вязаная шапочка, в руках тетрадь и карандаш. Андрюшу она доверяла Александру Эмильевичу⁴⁹, а сама отправлялась к А. И. Свирскому для переговоров о работе. Шура очень любил Андрюшу, но не мог подарить ему ни книгу, ни игрушку или даже купить одну конфетку. <...>

Когда у Осипа Эмильевича кончались деньги, он шел к Шенгели⁵⁰, который в то время сам нуждался и добывал средства на пропитание для семьи разрисовкой по трафарету женских косынок. Осип Эмильевич как-то узнавал день получки у Шенгели, а Георгий Аркадьевич, не умея отказать, отдавал товарищу из последнего. Но берущий забывал отдавать долг. <...>

Камерный театр соседствует с домом Герцена на Тверском бульваре⁵¹. Его сотрудником был живописец Георгий Яковлевич⁵² Якулов. Это был высокий, очень красивый брюнет. Якулов жил в лабиринте переул-

⁴⁷ Возможно, Сендерихин Моисей-Исаак Абрамович (1893–1949), доктор медицинских наук (1942), профессор.

⁴⁸ Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) – писательница, младшая сестра М. И. Цветаевой. К тому времени автор книг «Королевские размышления» (1915) и «Дым, дым и дым» (1916).

⁴⁹ Брат поэта, А. Э. Мандельштам, появлялся в общежитии эпизодически. иногда останавливался у него на несколько дней по разрешению Правления Союза писателей, см. Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. СПб., 2017. Т. 3. С. 495–496.

⁵⁰ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед. В Москве жил с конца марта 1922 г.

⁵¹ Ныне – Московский драматический театр им. А. С. Пушкина.

⁵² Правильно: Георгий Богданович Якулов (1884–1928).

ков между Патриаршими прудами и Большой Бронной⁵³, на работу в Камерный театр шел проходным двором Дома Герцена по асфальтовой дорожке и подходил к окну комнаты Мандельштама, чтобы поговорить с ним. <...> Как только подходил Якулов, Надя пробиралась к окну и, как зайчик, выглядывала из-за плеча мужа, а тот закрывал ее своей спиной. Тогда она передвигалась вправо, но муж ее отталкивал локтем: «Не мешай». Тогда Надя усаживалась на пол и, недосыгаемая для Мандельштама, слушала интересный разговор.⁵⁴ <...>

Большие перемены ожидали меня в Москве, когда я в 1922 году к началу учебного года вернулась из Феодосии. Открылось студенческое общежитие, в первом переулке по Большой Никитской, направо от Манежной площади. Отведенный для нас дом находился против здания университета. Теперь я приходила в Дом Герцена к Благим уже гостем. В студенческом общежитии у меня было личное место, выданы были кровать и матрац, но подушка, одеяло и простыни мои давно уже стали достоянием Благих, поэтому пришлось просить маму прислать мне другие. Пройдет пара лет, я выйду замуж, придет ко мне Софья Рафаиловна и потребует, чтобы я заплатила ее домработнице за стирку моего белья, которым я уже давно не пользовалась. Прачка не получила от меня денег, а я не получила ни скатертей, ни простынь, ни подушки, ни одеяла. Я была молода и всё простила, благо больше не нуждалась в благодеяниях Благих и не дала согласия на них даже тогда, когда в начале 1924 года выслушала уговоры Дмитрия Дмитриевича не покидать их и не ехать на работу в Архангельск. Я устала от такой жизни и хотела самостоятельности, даже ценой временного перерыва своего образования в пединституте.

Второй новостью для меня явилась перестройка левого крыла Дома Герцена, в результате которой Благие получили в нем большую, метров

⁵³ Квартира и мастерская Г. Якулова были расположены в д. 10 по Большой Садовой улице (впоследствии этот дом под номером «302-бис» попал в роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, также жившего в этом здании в 1921–1924 гг.).

⁵⁴ О встречах в этот период жизни в Доме Герцена Н. Мандельштам писала в воспоминаниях, называя в том числе Г. Б. Якулова и И. А. Аксенова, см.: Мандельштам Н. Вторая книга. Париж, 1972. С. 138; То же. М., 1990. С. 104.

в 18, светлую комнату, оставив свои «кухонные апартаменты» Сергею Антоновичу Клычкову⁵⁵ – крестьянскому поэту и секретарю А. В. Луначарского. Хороший заботливый хозяин – комендант общежития А. И. Свирский – пустые прихожие перестроил под жилища. Были заколочены двери на черный двор, дрова стали приносить в дом через окно в кухню, а освободившиеся помещения использовали под жилье. Коридор против главного входа был узок и имел окно. Здесь поселили всегда болящего, возлежавшего на топчане в каморке с окном, ехидно улыбавшегося, занудливого и едкого Дмитрия Шепеленко⁵⁶, который с насмешкой относился к приходящей в общежитие Вере Михайловне Инбер, за глаза, пакостно улыбаясь, говорил: «Опять Верунчик приходила». От окна отходил другой коридор, углом к первому, без окон, темный, в котором Свирский <...> после ремонта приказал поселить И. М. Соколова-Микитова и М. М. Пришвина. <...>

Я сохранила книгу, подаренную мне Соколовым-Микитовым с дарственной надписью, говорящей о том, что он помнит меня нежно и трогательно. В то время он был моим постоянным защитником от грубых речей Сергея Антоновича Клыčkова; услышав их, выходил из своей клетушки, молча брал под руку выпившего Клыčkова, отводил его в «прикухонные апартаменты» и укладывал спать. К слову сказать, лет через 15 лет мы с Клычковым случайно встретились у метро «Кропоткинская». Тих был он, скромн и уважителен.

⁵⁵ Клычков Сергей Антонович (1889–1937) – поэт и прозаик, автор романов «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира». Был в дружеских отношениях с Мандельштамом и соседствовал с ним в Доме Герцена в 1922–1923 и 1932–1933 гг., а затем в писательском доме в Нащокинском переулке. Расстрелян.

⁵⁶ Шепеленко Дмитрий Иванович (1897–1972) — поэт и художник, автор сборника стихотворений в прозе «Прозрения» (1-е изд. — Тифлис, 1920; 2-е изд. — М., 1925). В 1922–1923 гг. был соседом Мандельштама по Дому Герцена. Назван в шуточном ст–нии «Поэту море по коленки...» (1923), см.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем. СПб., 2017. Т. 1. С. 320 и примеч., с. 644–645. См. также его подпись в заявлении Мандельштама от 13 дек. 1922 г., вместе с подписями Б. Зубакина и В. Парнаха (Там же. Т. 3. С. 496).

Событием для левого крыла Дома Герцена стало появление Бориса Михайловича Зубакина⁵⁷. Невысокого роста, тонкий, хрупкий, изящный, он более был похож на фарфоровую статуэтку пажа герцогини, чем на философа, историка, литературоведа. Был он человеком весьма образованным и умным. Он был настолько обаятелен, что даже Благая не жалела для него, всегда голодного, тарелки пшенной каши. Застенчивый Борис Михайлович стеснялся принимать такое угощение и лишь после долгих уговоров опустошал миску и благодарил Софью Рафаиловну изысканно вежливо. Привлекали всех к нему его корректность, скромность и талант к рисованию и импровизации. Небольшие руки с тонкими пальцами гармонировали с его внешним обликом. Когда он импровизировал, то держал их за поясом черной толстовки, которую носил вместо пиджака летом.

Квартира его находилась на 6-м этаже большого благоустроенного дома на стыке Большого Знаменского переуллка с Антипьевским,

Жена Зубакина отличалась большим своеобразием. Вероятно, она была психически не совсем нормальна. Одержимая манией преследования, эта высокая милостивая женщина боялась одна ходить по улицам, и ее приходилось провожать домой, чаще всего мне. Ходила она на все литературные вечера и собрания, хорошо одетая, в большой шляпе, но никогда не бывала вместе с мужем и на его вечера не ходила. Однажды летом я ее провожала в 11 часов ночи. Шли молча. На углу Большого Знаменского переуллка нас нагнал Борис Михайлович. Он был усталым и бледным. Проводив жену, он не пожелал отпускать девушку одну и пошел меня провожать, опять пешком.

⁵⁷ Зубакин Борис Михайлович (1894–1938, расстрелян) – поэт, археолог, импровизатор. В описываемое время, осенью 1922 г., вернулся в Москву, вступил во Всероссийский союз писателей, был принят на преподавательскую должность в Московский археологический институт. В дек. 1922 г. арестован по обвинению в создании антисоветской организации (освобожден в февр. 1923). В дальнейшем друг А. И. Цветаевой. Подробнее см.: <https://writers.aonb.ru/zubakin-b.m.html>. О его подписи в качестве соседа О. Манделштама по общежитию см. предшеств. примеч.

Обаяние Бориса Михайловича было велико, а сплетни о том, что он лазутчик в Союзе Писателей от ГПУ, нами не воспринимались. Мы смеялись, когда он отбрил двух сплетников, сказав им: «Вы умаляете мои заслуги: я не простой доносчик, а крупный там начальник. У меня на Лубянке большой отдельный кабинет с охраной. Приглашаю вас туда». Сплетники прикусили языки. <...> Помню его выступление в 1922 году в левом крыле Дома Герцена. Все живущие в общежитии и гости собрались на кухне, расхватили стулья «генеральши» и уселись. Принесли стулья и из своих комнат. Остальные уселись на подоконнике или стояли, Мандельштамы остались у себя в комнате при открытых дверях. Плиту покрыли газетами и сверху простыней, превратив в импровизированный стол. За ним усадили меня, чтобы я записывала слова, которые слушатели называли для импровизации. Но записывать оказалось не нужно. Слова быстро посыпались, как дождевые капли, я не успевала, а Зубакин их моментально запоминал и использовал в рифмованных строках.

К Зубакину Мандельштам относился прохладно и называл его пустозвоном.

Борис Михайлович Зубакин любил стихи разных поэтов, часто их читал, но особо почитал творчество Осипа Эмильевича Мандельштама, разыскивая даже его неопубликованные произведения. От Бориса Михайловича я узнала, что в начале 1920 года О. Э., готовя к печати «Антологию старофранцузского эпоса» для издательства «Всемирная литература», включил туда отрывок из «Сыновей Аймона», переведенный на русский язык, он был впервые опубликован в альманахе «Наши дни» № 3 за 1923 год.⁵⁸ Зубакин прочитал нам его полностью.

Все стихи О. Э. Мандельштама он знал наизусть и часто их декламировал нам. Он кротко относился к равнодушию Осипа Эмильевича, ибо был незлобив, не завистлив и любил лишь прекрасное. Мандельштам при

⁵⁸ В 1923 г. «Сыновья Аймона» печатались три раза, в том числе в издании, указанном Торбин. Работа Мандельштама над переводом велась в первой половине 1922 г. (не в 1920 г., как пишет Торбин). Будучи знаком с поэтом, Б. Зубакин мог знать текст от него самого.

встречах только вежливо отвечал на приветствия Зубакина, и этим заканчивалось их общение. <...>

Он [В. Я. Парнах] был очень некрасив: маленького роста, худой, даже хилый. Весь какой-то плоский, казался немощным. Да и лицо его было малопривлекательным: мелкие черты лица не освещались светом глаз небольших, зеленовато-мутных, с белесыми ресницами. Бесцветны были и брови. Желтая кожа лица и рук были покрыты крупными веснушками. Был он очень вежлив и молчалив.⁵⁹ Дружбы у нас с ним не получилось. В [19]60-е годы, когда я встретила вновь с Елизаветой Яковлевной Тараховской⁶⁰ в Коктебеле, она меня уверяла, что я нравилась ее брату Валентину. Вероятно, это было фантастическое желание сказать мне приятное. Со мной Валентин Яковлевич был вежлив и не искал встреч. <...>

В 1922 году по каким-то делам своим Д. Д. Благой меня направил к С. Я. Парнок⁶¹. Ее большой друг Эрарская⁶² сообщила мне адрес: одна из улиц на Тверской-Ямской, справа, ближе к Садовому кольцу. Занимала она с подругой большую светлую четырехугольную комнату, которая не отличалась уютом: был большой стол для работы, две кровати, тахта, шкаф для белья, стулья. Воспитанные в богатой обстановке подруги остались равнодушными к жизненным удобствам и занимались лишь большим делом: одна математикой⁶³, другая литературой, и их стол по ночам освещался лишь электролампой, привешенной к потолку на шнуре

⁵⁹ Торбин могла видеть В. Парнаха в Доме Герцена, в котором тот по протекции Мандельштама некоторое время ночевал: 30 авг. он писал А. Ремизову в Берлин: «Сейчас сплю на скамье в Союзе Писателей: Тверской бульвар, 25, где меня на несколько дней устроил О. Э. Мандельштам. <...> Мой адрес пока: Софьи Яковлевны Парнок-Волькенштейн 4-я Тверская-Ямская, 8, кв. 3. Москва» (Нерлер П. Осип Мандельштам и Америка. М., 2012. С. 39–40). Валентин Яковлевич Парнах (Парнох; 1891–1951) – поэт, прозаик, переводчик, хореограф. Создатель первого в России джазового ансамбля.

О контакте О. Мандельштама с В. Парнахом в 1922 г. в Доме Герцена см. также: Летопись жизни и творчества О. Мандельштама. М., 2014. С. 232 (6 авг.). 9 авг. Парнах подарил Мандельштаму свою вышедшую в Париже книгу.

⁶⁰ Тараховская Е. Я. (урожд. Парнох; 1891–1968) – сестра В. Я. Парнаха, писательница.

⁶¹ Софья Яковлевна Парнок (1885 – 1932; настоящая фамилия Парнох) – поэтесса, литературный критик и переводчик.

⁶² Эрарская Людмила Владимировна (1890–1964), актриса.

⁶³ Упомянув математику, Торбин имеет в виду другую подругу С. Парнок, О. Н. Цубербиллер (1885–1975), ученую-математика.

без абажура. Настольные лампы тоже не имели абажуров. Так они и жили.⁶⁴ <...>

С Сергеем Митрофановичем Городецким⁶⁵ я познакомилась в 1922 году. Поздняя весна. Тепло. Полдень. Все разошлись. Я одна в доме, в комнате Потапенко. Сажу у открытого окна и повторяю учебный материал, завтра сдаю экзамен по нему и срочно должна повторить весь курс. Рядом с книгами лежат три бублика – мой обед, рука моя продета в дырку четвертого бублика, от которого я понемногу откусываю. Стук открываемой входной двери. Вероятно, кто-то прошел со стороны Большой Бронной. Опять открывается входная дверь, оттуда выходит высокий длинноногий человек и направляется мимо меня на Тверской бульвар, но останавливается у окна, где я сажу, и спрашивает:

– Не знаете ли, куда подевались Мандельштамы и скоро ли они будут дома?

Я рассмеялась: очень забавен был этот длинноносый человек, который с вожделием посмотрел на мои бублики.

– К сожалению, они не доложили мне об этом.

– Так вы доложите им о том, что я был у них, – рассмеялся длинноносый.

– Кто вы?

– Конокрад. Присмотрел тут лошадку и хочу увести ее.

– У нас нет ни конюшен, ни лошадок, и нечего красть.

– А вы? Ждите, появлюсь и украду.

– А сейчас мне не мешайте готовиться к экзамену.

⁶⁴ Торбин правильно указывает улицу, на которой жила С. Парнок, ср. в предшествующем примеч. В это время отношения С. Парнок и О. Мандельштама не были дружественными, см. в записи дневника Л. В. Горнунга 30 авг. 1923 г.: «Он [Н. Бернер] сейчас живет на первом этаже правого флигеля “Дома Герцена” на Тверском бульваре в доме № 25, а О. Мандельштам с женой живет в левом крыле этого дома, тоже на первом этаже. Бернер с ними встречается и дружит. Вот почему он предложил в наш кружок кандидатуру О. Мандельштама, но С. Парнок резко ее отклонила, ссылаясь на то, что у нее с Мандельштамом была ссора, и она не хочет с ним встречаться» (Летопись жизни и творчества О. Мандельштама. М., 2014. С. 233).

⁶⁵ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт, один из двоих (наряду с Н. С. Гумилевым) руководителей первого «Цеха поэтов», со времени которого велась его дружба с Мандельштамом.

– Да, дело серьезное, – сказал незнакомец, поклонился и исчез в калитке.

Когда вернулись Мандельштамы, я им сказала, что у них был высокий худой гость, назвавшись конокрадом.

– Это был Городецкий, – рассмеялся Осип Эмильевич.

Потом Надежда Яковлевна говорила, что при встречах Городецкий справлялся, куда исчезла черноокая насмешливая девушка с таким звонким смехом. Много лет я не встречалась с Городецким. Жизнь меня бросала в разные города, я вышла замуж, родила сына, окончила вузы и аспирантуру и вновь вернулась в Москву.